

ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНЫЙ
БЕСТСЕЛЛЕР

**ГРЕГУАР
ДЕЛАКУР**

ЧЕТЫРЕ
ВРЕМЕНИ ЛЕТА

Москва
2016

УДК 821.133.1-31
ББК 84(4Фра)-44
Д29

Grégoire Delacourt
LES QUATRE SAISONS DE L'ÉTÉ

© 2015 by Editions JC Lattès

Copyright © Photo by Benjamin Decoin

Перевод с французского *Нины Хотинской*
Художественное оформление *Андрея Старикова*

Делакур, Грегуар.

Д29

Четыре времени лета / Грегуар Делакур ; [пер. с фр. Н. О. Хотинской]. — Москва : Издательство «Э», 2016. — 256 с. — (Интеллектуальный бестселлер).

ISBN 978-5-699-89746-9

Четыре времени лета, четыре возраста любви. Вот молодые влюбленные, чей роман не состоялся, ибо молодость не знает терпения и первая любовь редко бывает счастливой. А вот — пожилая пара, трогательные Филемон и Бавкида. Вот несчастная героиня, так и не нашедшая любви, а вот, наоборот, счастливая, познавшая страсть. Книга «Четыре времени лета», каждая из частей которой — название цветка, лирична и очень искренна.

Те, кто знает Делакура как автора «Шкатулки желаний» и романа «То, что бросается в глаза», будут приятно удивлены новой гранью его таланта. Тем, кому предстоит знакомство с его творчеством, можно позавидовать — их ждет радостное открытие.

УДК 821.133.1-31
ББК 84(4Фра)-44

© Хотинская Нина, перевод на русский язык, 2016

© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство «Э», 2016

ISBN 978-5-699-89746-9

Дане, Дане, Дане и Дане

А мы были похожи на фонарики ночных праздников: горе и радость наших любовей сжигали нас изнутри.

*Валери Ларбо.
Детские шалости*

Пимпренель

В это лето Кабрель¹ пел «Мертвый сезон», а все пели Кабреля.

Это лето пришло быстро. В последний уик-энд мая температура разом взлетела до двадцати градусов. Слышался первый смех в закрытых садах, сухой кашель от первого жирного дыма барбекю и вскрики полуголых женщин, расплох застигнутых на солнышке. Все это походило на птичий щебет. Как будто весь городок превратился в вольер.

А потом мужчины стали встречаться в вечерней прохладе, пить первое розовое вино, хорошенько охлажденное, чтобы обмануть алкоголь, усыпить злые чары и выпить побольше. И тогда лето началось по-настоящему.

---

¹ Франсис Кабрель (р. 1953) — французский исполнитель, композитор и автор песен. *Здесь и далее, если не указано иное, примечания переводчика.*

В это лето была Виктория. И был я.

У Виктории были золотые волосы, изумрудные глаза, как два кабошончика¹, а ротик пухлый, точно спелый плод. Моя лучшая победа, смеялся ее отец, в восторге от собственного остроумия.

Она еще не была моей, но я к этому шел. Тихонько.

Виктории было тринадцать лет. Мне пятнадцать.

Я смахивал на маленького взрослого, говорила моя мать, и этим напоминал, по ее словам, моего отца тем, кто его знал. Мой голос был почти басовитым, порой хриплым, как у иных мужчин на рассвете. Темный пушок обрамлял верхнюю губу. Все вместе было не очень-то красиво, казалось мне тогда, но изумруды Виктории обладали даром видеть за гранью видимого.

Я был ее другом. И мечтал быть ей много большим.

---

¹ Кабошон (от *фр.* cabochon — голова) — способ обработки драгоценного или полудрагоценного камня, при котором он приобретает гладкую выпуклую отполированную поверхность без граней.

*

Мама потеряла работу в начале этого года. Как раз когда стало очень холодно.

Она была продавщицей в «Мод-де-Пари» в Лилле, на улице Эскермуаз. Ее шарм и изысканность, надо сказать, творили там чудеса, а безошибочный вкус украсил и облегчил не одну расплывшуюся фигуру. Но ничто не помешало грязи несправедливости.

После долгих недель слез и мартини она решила взять себя в руки. Поступила на бухгалтерские курсы. За неимением своих денег, говорила она, смогу хотя бы считать чужие. Мне нравилась ее ирония выжившей. Она остригла волосы и купила весеннее платье, бледно-розовое, дерзко подчеркивавшее ее тонкую талию и достойную внимания грудь.

После смерти отца — сердечный приступ за рулем его красной машины убил его на месте, а заодно унес еще три жизни — мама так и не смогла открыть свое сердце никому другому.

Никто и ничто его не заменит, горько жаловалась она, я однолюбка, я дала клятву.

Она верила, как хотелось и мне верить тогда, что любовь одна.

Мне было три года. Отца я не помнил. У меня не было образов, запахов, сильных рук и колючих поцелуев, и от этого мама плакала. Она тем не менее старалась хранить его присутствие. Показывала мне фотографии начала их любви: в саду, на пляже в Этрета, размытые в вагоне второго класса, на террасе ресторана, у фонтана в Риме, на красивой площади за дворцом Маттеи-ди-Джове, на огромной кровати, белой-белой, наверно, утром, он смотрит в объектив, ее не видно, она снимает, он улыбается, он красивый — Жерар Филип в «Дьяволе во плоти»¹, — усталый, счастливый, и ничего не может с ним случиться. Меня еще нет. Это только первые кадры полнометражного фильма про любовь.

Она рассказывала мне про его руки. Про нежность кожи. Тепло его дыхания. Рассказывала, как неловко он брал меня на руки. Как укачивал. Напевала песенки, которые он мурлыкал в мое новорожденное ушко. Она плакала о том, кого больше нет. О молчании. Выплакивала свои страхи, и собственный плач

---

¹ Фильм Клода Отан-Лара, снятый в 1947 году по одноименному роману Раймона Радиге, с Жераром Филипом в главной роли.

ужасал ее. Глядя на эти слишком редкие фотографии, она воображала его сегодняшние морщинки. Вот, смотри, глаза бы у него были как маленькие солнышки. И складочка на лбу, вот здесь, стала бы глубже. У него появились бы седые волоски, здесь и здесь, и он был бы еще красивее.

Она вскакивала и бежала в свою комнату.

Я рос и мечтал о братике, хотя бы о сестренке, на худой конец о большой уютной собаке, но мама оставалась верна своей большой утраченной любви. И даже поистине колдовской шарм — *голливудский*, говорили в городке, — молодого аптекаря, которому она нравилась, даже духи, шоколад, обещания и букеты не заставили ее передумать.

В это лето мама зубрила статьи расходов и естественных убытков. Графики и диаграммы. Списанные упаковки.

В это лето я стал ее репетитором. Ее учителем. Она называла меня своим маленьким мужчиной. Находила, что я все больше становлюсь похожим на отца. Гордилась мной. Любила меня. Улыбалась мне, когда я до мозолей на языке лизал конверты, в которые она вкладывала свое резюме, ее маленькие бутыл-

ки, брошенные в море. Она брала мою руку. Целовала ее.

— Мне очень жаль, прости меня за это лето, прости, Луи.

В это лето мы никуда не уехали на каникулы.

*

Мы жили в Сенген-ан-Мелантуа.

Маленький городок, ни на что не похожий и не отличимый от других. Церковь Святого Николая XVI века. Городской тотализатор «Крестonosец». Супермаркет. Булочная Досси. Цветочная лавка «Красный пион». Кафе «Центральное». Еще кафе. И еще одно, где оседали те, что больше не странствовали. Говорили, что они пьют отраву, от которой шатаются и ведут речь о кораблях и бурях, о том, чего никогда не знали, но помнили. О фантомах. О местах, куда они отправлялись, не двинувшись с места, на войну или за женщиной. Один из них пристал ко мне как-то вечером, когда я шел из школы. Тонкинская девушка, малыш, орал он, тело богини, до чего хороша, стерва, ах, дикарка с глазами цвета ночи. Ты узнаешь это когда-нибудь, мальчуган, этот большой огонь, когда все твоё тело пылает.

Он не ошибся.

Женщины их мечты тонули на дне их стаканов. Говорили, что на их лицах написаны карты и страдания тех мест, где они никогда не бывали.

Сенген-ан-Мелантуа. Сразу за быстро раскинулись до опушек большие свекольные и пшеничные поля, маячили кирпичные дома с прилегающими садиками, точно пестрое лоскутное одеяло, да проселочные дороги тянулись до леса Нуаель, где в первые погожие дни мальчишки «играли в мужчин» перед девочками, козыряя карабинами и целясь в воробьев и щеглов, которые, слава богу, летали выше их пулек.

Городок, где все друг друга знали, но где многое замалчивали, как правду, так и ложь. Городок, где ходили шепотки о том, что боль одних утешает других в их посредственности. Где отсутствие будущего рождало грустные мысли, и вспыхивал гнев, и пропадали люди ночами.

Родители Виктории владели в нем большим домом из оранжевого кирпича, в стороне от дороги, ведущей в Анстен. Ее отец служил в банке, в «Креди-дю-Нор», площадь Риур, 8, в Лилле. Он ничуть не забавный, говори-